

2207

● ТАФТА
НА ПЛАТЬЕ
КОРОЛЮ

● ТУТ
СЛУЧИЛАСЬ
МУЗЫКА

● ЧАШКУ КОФЕ
И «ПРИВЕТ»!

Мой старый друг альтист Данилов

Удивительные, фантастические истории и метаморфозы происходят с живущим в районе Останкино скромным музыкантом по фамилии Данилов. Однако, мы не очень-то и удивляемся этому. Ведь уже в первых строках нового романа «Альтист Данилов» его автор, писатель Владимир Орлов, раскрывает нам тайну музыканта — он просто демон. Может быть, не самый главный, к домовым приписанный, но...

Сегодня Владимир ОРЛОВ в гостях у читателей «МК».

ИНТЕРВЬЮ

— ЧИТАТЕЛИ знают вас по «Соленому арбузу», «После дождика в четверг», по роману «Происшествие в Никольском», по вашей работе в «Комсомольской правде». И вдруг такой неожиданный, прямо скажем, роман об альтисте Данилове.

— Для меня роман «Альтист Данилов» не был таким уж неожиданным. После «Происшествия в Никольском», построенного на реальном сюжете, конкретных фактах, людях — в его основе было письмо читателя «Комсомольской правды» — я однажды сел и вдруг начал писать рассказ про домовых. Назывался он «Что-то зазвенело». Видимо, во мне произошел некий качественный скачок. Рассказ этот я не напечатал, но и он, и иронический рассказ «Трусаки», опубликованный в «Юности», были преддверием «Альтиста Данилова». Частично рассказ «Что-то зазвенело» использован в романе.

— Позвольте задать вам немного наивный вопрос: о чем роман «Альтист Данилов»?

— Вы ставите меня перед выбором — либо обидеться на вас за невнимательность, либо пересказать роман.

— И все-таки?

— В двух словах, это разговор о творчестве.

— Музыканта?

— О творчестве художника вообще, о творчестве литератора в силу того, что я литератор, и, конечно, о творчестве музыканта — мой герой музыкант. Но если бы я заранее знал, что буду писать о музыке, никогда бы не взялся за это. В музыке я всего лишь слушатель, хотя, возможно, и квалифицированный. Когда я работал над романом, я наконец-то смог прочесть «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. Я был потрясен. Ведь о творчестве музыканта все уже гениально написано — так мне тогда показалось.

— Тем не менее вы продолжили работу.

— Да. Остановиться я уже не мог.

— ВЫ ТАК говорили о вашем герое, будто он имеет реального прототипа.

— А он и есть лицо вполне реальное. Моего героя, музыканта одного из лучших театров страны, Володю, я знаю лет двадцать. Его иногда можно увидеть на экране телевизора в концерте.

— Интересно, как отнесся ваш друг к роману?

— Началось все с анекдота. Он действительно ходил к своим друзьям, и его действительно там кормили лучше, чем меня. Я решил в шутку описать эту ситуацию. Потом, через несколько месяцев, написал еще немного, потом еще и вдруг понял, что из легкомысленного начала выходит что-то серьезное. Где-то на 150-й странице я решил показать Володе написанное. Месяца два он со мной после этого не разговаривал.

— Неужели обиделся?

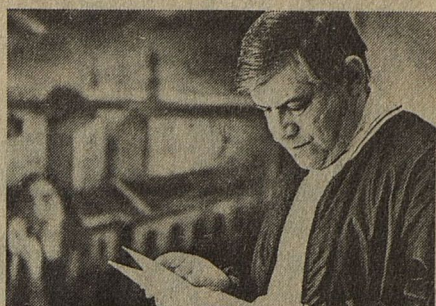
— И я спросил его о том же. «Нет», — отвечает, — просто трудно привыкнуть. Читаю о фактах из собственной биографии, о родном театре — все верно. Это я и моя жизнь. Кроме всяких демонических вещей, естественно.

Но потом он привык и помогал мне, консультировал по музыкальной части.

— А остальные герои повествования, они тоже имеют реальных прототипов?

— Почти все. Однако собирательность в образах тоже есть. Например, бывшую супругу Данилова я писал с трех разных дам, используя их обороты речи, разговоры о чашке и так далее. Ростовцев — тоже вполне реальная фигура.

— ПОЯТНЫМ становится и то, почему действие вписано в точный останкинский колорит.

— Точная география — мой творческий принцип. А Останкино мне знакомо и дорого, я там долго жил.

— Точность характеров, точность описания места действий — черта, присущая журналисту. У вас десятилетний опыт работы в «Комсомольской правде». И обстановка в вашей семье была журналистской. Если не ошибаюсь, ваш отец был ответственным секретарем редакции нашей газеты, которая в то время называлась «Молодой ленинец»...

— Все это верно, работа в газете дала мне много, но журналистика и литература, по-моему, довольно далеки друг от друга. Даже когда я работал над «Происшествием в Никольском», я старался как можно реже встречаться с героями той реальной истории, ставшей основой романа.

— Вы сказали, «Альтист Данилов» начинался с бытового анекдота. Откуда же взялись демоны, домовые, «тишизм», фантазмагория?

— Роман — разговор о творчестве, о борении творчества с бытом. Мне нужно было вписаться в быт экстремальные условия, в которых человек проявляется полно, остро, открыто. Отсюда и фантастический элемент, дающий такую возможность. Сам роман-то, по сути, очень земной.

Что же касается «тишизма» — когда я узнал о скрипаче, который водит по струнам смычком, но не играет, мне на память пришло направление в философии, литературе, живописи, называющееся «концептуализм». Из этих двух элементов и родился «тишизм».

— ДАВАЙТЕ поговорим о литературных ассоциациях.

— Я вас понял. Конечно, есть ассоциации с Гоголем, Булгаковым, Пушкиным, Гете. Если откровенно, я их не боюсь. Вся история литературы, особенно русской, пронизана ими, и это нормально. Литература не рождается на пустом месте, у нее есть корни. Первое побуждение написать «нечто вроде», с элементами фантастики, возникло у меня после того, как я прочел «31 июня» Пристли. Возникло и пропало.

Многие коллизии романа не несли для меня никакой иной нагрузки, кроме художественной. Каково же было мое удивление, когда кто-то стал находить в них нечто большее. Один ученый, например, интересовался, нет ли у меня физико-математического образования. По его мнению, я выдвинул какую-то новую космическую теорию. А я отчасти пародировал фантастические книги сына и его учебники по физике.

Кто-то спрашивал меня, не занимаюсь ли я исследованием древних книг, мифов, сказаний, космогонией. В мифологической части романа сказались моя любовь к сказкам, к прочитанным в разное время книгам. Впрочем, во время работы над второй частью я читал и изучал научную литературу по мифологии и космогонии.

— Вы — писатель кинематографичный. Уже была экранизация вашего «Соленого арбуза». Как бы вы отнеслись к экранизации «Альтиста Данилова»?

— Я принадлежу к тем литераторам, которые реализуют себя пером. Конечно, интересно наблюдать киношную суету со стороны. Но когда попадаешь в нее сам, видишь, что от тебя мало что зависит.

— После написания «Альтиста Данилова» вы были удовлетворены своей работой?

— Удовлетворение было.

— А после выхода романа в свет?

— Оно не пропало.

А. ЮСКОВЕЦ.